

ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Наш фотокорреспондент Михаил Пайст запечатлел Катю Заболотную в самый, наверное, счастливый день ее жизни. Катю так переполняла радость, что она обращалась к прохожим: «Поздравьте меня, я иду в школу»

ФОТО МИХАИЛА ПАЙСТА

Хорошо, что никто не объяснил Кате Заболотной, что она каляка. Что это навсегда. Что никогда ей не быть балериной, актрисой и вообще красавицей.

Поэтому Катя не боялась танцевать. Вместе со своей мужественной мамой она разучила русский народный танец и в день 8 марта под «Во поле березонька стояла» исполнила его на сцене. Дело было в детском саду. Катя все стремилась выйти вперед и показать всем, как она плывет березонькой.

У этой девочки за спиной было шесть лет непрерывного и безрезультатного лечения и диагноз, в котором, слава Богу, она ничего не понимает. ДЦП и множество неприятных последствий с научными названиями (нарушение двигательного развития, правосторонний гемипарез). Чуть больше года назад наконец удалось найти доктора-кудесника — профессора Игоря Скворцова, который взялся излечить девочку. Первые же два курса ее преобразили: Катя стала свободно ходить, безжизненная раньше правая рука теперь свободно сгибается. Ее приняли в обычную группу детского садика и разрешили танцевать вместе со здоровыми ребятами. А теперь она идет в школу. То есть буквально идет. Сама. Только пока еще заметно хромотает и очень волнуется, что учиться начнут без нее.

Спаситель Кати профессор Скворцов уверен, что, если лечение продолжить, девочка совсем выправится и разве что профессиональный невропатолог найдет в ней какие-то изъяны. И все в этой истории было бы хорошо, только деньги у Катиных родителей кончились. Лечение дочки съело все накопления Заболотных, семейный «жигуль» 1982 года, а заодно и

«заначки» их друзей. Мама Кати сейчас не работает, поскольку занята спасением дочери, а на оклад отца (он инспектор уголовного розыска) в размере 1800 рублей особенно не потанцуешь. Кате же требуется еще четыре курса лечения, каждый стоимостью 19 200 рублей.

Мы решили начать эту подборку с Катиной истории, потому что нам показалось очень обидным: такой успех, почти чудесное исцеление, столько надежд — и вот все рушится. Если лечения не будет, Катя, наверное, все равно сможет учиться в школе. Она умеет писать и левой рукой. Но все равно девочка будет чувствовать себя ущербной, хромота у нее останется, и сознание того факта, что раньше было еще хуже, что исчез судорожный синдром и правой рукой она теперь может даже ухватить пуговицу, вряд ли сможет ее утешить. «Мы очень надеемся на вашу помощь. Больше просто не на кого», — написала нам мама Кати Ольга Заболотная.

Теперь о делах минувшего месяца августа. Его главная тема для нас — трагедия в Баренцевом море. Чтобы все, кого потрясла эта трагедия, могли помочь вдовам и матерям погибших моряков с «Курска», мы решили открыть для них лицевые счета в Сбербанке и опубликовать их в газете «Коммерсантъ». Для этого требовались точный список вдов и матерей, которого не было ни у московских чиновников в штабе ВМФ, ни в поселке Видяево (Мурманская область), на месте дислокации «Курска». Мы составили его сами. Эксперт Российского фонда помощи Николай Моржин был первым журналистом страны, попавшим в Видяево в те страшные дни. И уже 25 августа мы опубликовали скорбный список вместе с лицевыми счетами вдов и матерей в «Коммерсанте». Нам известно, что откликнулись сотни людей, помощь пошла, и не малая (о точных цифрах говорить мы не можем, поскольку банк сохраняет тайну вкладов). И, если вы хотите присоединиться к помогающим, запросить список можно по электронной почте (e-mail: rfp@kommersant.ru).

Еще, друзья, с вашей помощью за август (а это был месяц отпусков) удалось сделать вот что. Ире Тихоновой (11 лет, Кемеровская область), больной инфекционным ревматоидным полиартритом, обеспечен полный курс лечения сандиммуном. Закуплено 54 упаковки этого препарата на сумму 136 400 рублей, ровно столько, сколько требуется, чтобы спасти девочку. Компания «Хенкель-Эколаб» оплатила (38 400 рублей) очередной курс лечения от ДЦП близнецам Насте и Наде Красовским (Костромская область) в Московском центре профессора Скворцова. Первый курс девочки уже прошли. И тоже на ваши деньги. «Результаты очень обнадеживающие», — сказала нам потом их мама. Девятилетней Лене Лапиной (тоже с диагнозом ДЦП) из Ивановской области вы отправили 2500 рублей. А в киреевский детский дом (Тульская область) перевели 2800 рублей.

Дай вам Бог здоровья, добрые люди!

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года, и в нынешнем октябре ему исполнилось ровно четыре года. Он действует как посредник между людьми, которые ока-

зались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма, тщательно их проверяет, мы эти письма ежемесячно публикуем, а вы звоните в фонд, получаете адреса тех, кого хотите поддержать, и дальше действуете самостоятельно. С 1997 года подборки писем в Фонд помощи публикуются также в газете «Коммерсантъ».

В марте этого года от замыкания в электропроводке дотла сгорел наш с Владимиром Клавдиевичем дом. Сгорело все имущество. Большое горе, поверьте! Здесь нам было так хорошо, у нас родились детки: Сережа, Лена, Русланчик, Света, Наташа, Леша и Васенька — всего семеро. Им сейчас от четырех годиков до двенадцати лет. До недавнего времени я работала по дому и в усадьбе, у нас было 30 соток земли. А теперь я тоже, как и муж, в колхозе. Только там платят больно мало. А проживаем мы пока в другой деревушке, у свекрови. Там нас десять человек, очень тесно на 35 м². И на том спасибо, конечно. Но дороги тут нет, и как детям в школу ходить? Да и разуты они, совсем нет обуви. Я не чаю вернуться восвояси, все плачу о родном доме. Колхоз обещал построить новый, но нет средств. Помогите нам. Хотя бы одеть детей. **Беспятых Людмила, Костромская обл.**

Сейчас доярка Людмила и скотник Владимир Беспятых живут в деревушке, которая состоит всего из одного дома. Вот в нем и живут. Подушный доход в семье составляет 129 рублей. Как сообщила нам Зинаида Кирпичник из областного управления соцзащиты, «от пожара удалось спасти лишь корову да кабана. Кабана съели, а корову берегут пуце глаз. Очень не хватает обуви и одежды, постельного белья. А главное, семье нужен дом. Пусть не тот 90-метровый, что сгорел. Но свой. Небольшой дом здесь обойдется в 100 000 рублей».

Уважаемые господа! К вам обращается инвалид первой группы и 26 лет от роду. После долгих лет неподвижности я уже встаю на ноги. Но теперь надо продолжить лечение, чтобы вновь вернуться к активной жизни. Но лечение платное, а деньги все кончились. Вот моя история. После срочной службы в армии устроился водителем. Однажды попал в аварию — отказали тормоза. Получил травму позвоночника. Позади несколько операций в клиниках страны. Мама приобрела мне тренажер Дикуля, и я взялся учиться ходить заново. Потом пригласили в Москву, к самому Валентину Дикулю. Я уже немного хожу сам, но, если честно, плохо получается. Наконец попал в ЦНИИ протезирования и протезостроения. Тут учат ходить под током. И вот вдруг впервые после аварии я почувствовал: живу! Есть сила в ногах и коленях! Курс длится 28 дней. Нужны как минимум еще три, а это 27 969 рублей. Опубликуйте это письмо. Может, найдутся состоятельные люди и помогут. А я обязательно отработаю! **Александр Головань, Ставропольский край**

Рассказывает Зоя Левченко из ставропольского министерства соцзащиты: «Очень трудный случай. И, извините, за громкое слово, возвышенный. Парень был "никакой". За годы неподвижности он буквально утратил все мышцы. Остались только воля и гордость. Теперь он встает, наращивает мышцы, передвигается в "ходунках", как дитя, радуется каждому новому шагу и рвется к новым упражнениям. В ЦНИИ ему к спецсапогам подключают провода под напряжением 60 вольт, и он ходит как троллейбус». А вот комментарий лечащего врача Евгения Миронова: «У Саши отмечены мельчайшие сокращения мышц ног, отвечающих за ходьбу. Мертвую

мышцу и током не проймешь. Значит, есть перспектива. Ток стимулирует и пробуждает чувствительность. Результаты очень хорошие, мы рекомендуем перерыв в 4 месяца между курсами. Тогда мышцы отдыхают и набирают вес».

Стыдно просить помощи, когда есть руки-ноги. Но другого выхода я просто не нахожу. Вы, пожалуйста, дочитайте до конца. Я домохозяйка, не работаю. В поселке работы нет, а в Пермь ездить нет денег. Чтобы пройти медосмотр, надо 103 рубля. Но у меня и этого нет. Просто замкнутый круг какой-то! А Толя, мой муж то есть, — «афганец», инвалид 3-й группы. Пенсия всего 230 рублей. Но нашел и работу на 350 рублей. Старшая дочь Настя замужем и уже родила Анечку. А младшие мои — Сережа 13 лет и Света 11 лет. Есть огородик. Но он не прокормит и тем более не обуе и не оденет. Толе иногда не в чем ездить на работу, т. к. сапоги и курточка у него с сыном одни на двоих. Сережа часто школу пропускает, т. к. есть лишь летние ботинки и куртка. Дочери шью сама. Но машинка у меня уж больно ветхая! Ломается все время, в починку никто не берет. Мне бы новую машинку! Любую, я ее во сне вижу. Проснусь — ну, думаю, все! Заиму машинку, и всем бедам конец!.. Конечно, это не так. Да и как ее купить? Извините за эти мысли вслух. **Любовь Шадрина, Пермская обл.**

У Любы с Толей наметились перемены. Они перебрались в Пермь, нашли работу. Люба — патронажный агент в местном отделении соцзащиты с жалованием 500 рублей. А муж устроился заведующим спорткомитетом на одно из предприятий с окладом 700 рублей. Они снимают 1-комнатную квартиру и мечтают перевезти младших детей к себе. Потому что пока дети у бабушки в поселке. «Жизнь на два дома расходы не сокращает, а совсем даже наоборот. Даже у такой отличной хозяйки, как Любовь Федоровна, с ее непьющим Анатолием, — так прокомментировали эти перемены в обкомитете соцзащиты. — А вот имей она швейную машинку, то смогла бы и подрабатывать». Цена отечественной «Чайки» в Перми — 2500 рублей. Brother стоит 10 000 рублей. Размеры одежды и обуви для младших Шадриных есть в фонде.

Мне всего 42 года. Первые два инфаркта настигли меня в 97-м. Я не знаю отчего. А нынче, в феврале, был третий. Врачи говорят, спасение одно — аортокоронарное шунтирование. В Казанском центре сердечно-сосудистой хирургии (КЦ ССХ) операция бесплатна, но медикаменты обойдутся в 40 474 рубля. А у меня пенсия 510 рублей. Жена молча ушла сразу после второго инфаркта. Забрала сына и пропала из моей жизни. Конечно, пришлось хлебнуть лиха. Недавно вот телевизор продал, последнюю ценность. От прежней жизни остались немецкая овчарка Грем, сиамский кот Тарасик и маленький аквариум с гуппешками. Положение мое крайне бедное, но животных не выставишь за дверь. И потом они самые преданные... (хотел написать: люди). Родных я отродясь не знал, вырос в интернате. Здоровьем и в детстве не блистал. Но зарабатывать на жизнь стал с 14 лет. Был мастером по чеканке, имел даже учеников. Десяток лет отработал на нефтяных промыслах тюменского севера, в Нижневартовске. Раньше я был хозяином жизни, а теперь все меньше уважения к себе. Очень хочется вернуться к работе, к людям. А «мотор» не тянет. Помогите мне, пожалуйста. **Радик Мухамедеев, Татарстан**

«Радику надо немедленно делать коронарографию, это в институте напротив, а потом пулей к нам на стол», — так прокомментировал состояние автора письма зав. хирургическим отделением КЦ ССХ Анвар Садыков. Г-н Садыков давно наблюдает этого больного и убежден в успехе шунтирования. Предстоит поставить 3–4 шунта. «Конечно, прискорбно, что инфаркты у нас "молодеют". Но в этом и плюс, простите за цинизм. Организм еще молод и после операции легче восстанавливается».

Возможно, вы поможете мне. Я кларнетист-профессионал, а инструмента нет. Впрочем, все по порядку. Я слеп. Родился в Архангельске, здесь же, после окончания школы-интерната для слепых, учился в музучилище. Закончил его с отличием, поступил в Российскую академию музыки им. Гнесиных. В 90 году — вторая премия на Всесоюзном конкурсе, затем были победы на других конкурсах в стране и за рубежом. Сейчас позади аспирантура в Гнесинке. Я окончил ее с отличием. И теперь для работы нужен инструмент профессионального класса. Такой производит французская фирма Buffet Crampon из древесины ценных пород со сроком выдержки около 100 лет. Он стоит \$6500. Спасибо. **Вадим Титов, 33 года, Москва**

«Артист масштаба Титова достоин самой широкой слушательской аудитории в России и за рубежом», — считают в РАМ им. Гнесиных. Вспоминает первый учитель Вадима Василий Смирнов: «Он приехал к нам очень зажатый. Но с фантастическим чувством ритма. Сначала я научил его кричать, а уж потом петь. И он так запел, что дети из других классов сбегались! У нас же самая обычная школа, а музыка — так, кружок. Но из этого кружка десять ребят потом закончили консерваторию. И Вадим лучший из них. Когда он поступил в музучилище, я принял это как должное. Как же, талант. Но я ахнул, когда через год, на конкурсе Северо-Запада, он завоевал 1-ю премию. А как я был счастлив, когда слепой мальчик из глухой провинции поступил в Российскую академию музыки им. Гнесиных! Представляете, без связей, без взяток, с первого захода! Говорят, его приглашал сам Федосеев. В 91 году Общество слепых подарило ему кларнет. Вадик гастролировал с ним по России. Но зимой 97-го из-за перелома температур кларнет треснул. Вот был шок! Вадим так трепетно относился к нему. Знаете, как относятся к отцу. Которого у него не было. Если можно, помогите Вадиму! Такие, как он, — богатство и счастье России». Счет-фактура на кларнет Buffet есть в фонде.

Следующее письмо попало к нам, как говорится, «через вторые руки». На фирменном бланке Госдумы депутат Николай Михайлович Харитонов высказал нам свою просьбу. «Уважаемый Российский фонд помощи! В Агропромышленную депутатскую группу Государственной Думы РФ обратилась больная Клейменова Н. В. с просьбой оказать материальную помощь в проведении операции. Убедительно прошу через ваш фонд оказать ей практическую помощь. С уважением, руководитель группы Н. М. Харитонов». Далее прилагается письмо Нади Клейменовой, которое мы решили опубликовать невзирая на то, что адресовано оно не нашим читателям, а другому человеку. Читайте это письмо.

«Уважаемый Николай Михайлович! Обращаюсь с огромной просьбой: окажите помощь для проведения операции в клини-

ке Новосибирского НИИ травматологии и ортопедии (НИИТО). У меня врожденный прогрессирующий грудной сколиоз 4-й степени. Живу я на пенсию в сельской местности. Операция стоит \$4106 и 33 374 рубля. Таких денег у меня, конечно, нет. Для меня Вы последняя надежда. Вы сами отец. Помогите, пожалуйста. Операция — это вопрос моей дальнейшей жизни, мое будущее. Я много слышала о том, что депутат Государственной Думы Харитонов Н. М. не оставляет без внимания больных, страдающих и обездоленных. Прошу Вас, Николай Михайлович, проникнитесь моей болью, услышьте крик моей души, помогите!» **Надя Клейменова, Новосибирская обл.**

Наде Клейменовой действительно необходима помощь. В новосибирском управлении соцзащиты нам рассказали о ней следующее. Ей 28 лет. Была замужем, муж давно ушел, есть дочь Оля восьми лет. Надя с дочкой перебиваются на пенсию в 517,08 рубля. Ни огорода, ни скотины у них нет. Здоровье не позволяет Наде работать. А Оля еще кроха. «Да и Надя маленькая и очень мила. Если бы не этот горб!» — сказали нам в Новосибирске. Как заверил зав. отделением НИИТО Михаил Михайловский, все еще можно поправить — и фигуру, и здоровье. И даже жизнь.

Теперь наша повторная публикация. Историю Иры Леоновой мы рассказали в прошлом номере журнала. И теперь повторяем. Вы поймете почему. Слишком глубоко горе матери и слишком велика цена спасения 11-летней девочки.

До полутора лет Ирочка была абсолютно здоровой. Правда, она поздно пошла. Бывает, успокаивали врачи. Все началось именно с первых шагов. Не упав и даже не споткнувшись, девочка покрывалась синяками. Хуже того, чихнет — и вот уже кровь ручейком из носа. И не остановить. Но ведь считается, что классическая гемофилия, редкая сама по себе, это удел мальчиков?! Моей девочке долго ставили не тот диагноз. 4 года мы ездили по клиникам, пока не установили: наследственная гипопроконвертинемия. Словом, гемофилия. У меня еще есть дочь, двухлетняя Яна. Их отец скончался совсем недавно. Пишу об этом только для того, чтобы вы поняли, в какой страшной ситуации мы оказались. Иру спасает только препарат «фактор VII». В Россию его не завозят, всего один потребитель — моя Ира. Она, кажется, вообще единственная в стране девочка с «царской» болезнью. «Фактор VII» даже не сертифицирован у нас. Но без него смерть. Врачи считают, что главное сейчас для Иры — продержаться до 17–18 лет, когда она окончательно превратится в девушку и перестанет расти. Один флакон «фактора VII» стоит \$347. Годовая потребность — \$25 000. Но у меня нет больше денег. Продали все, что можно и нельзя. Три года выкручивалась, как могла. Вовсе чужие люди делали все возможное, чтобы Ира росла полноценным человеком. И как раз теперь она вступает в пору полового созревания. Мне намекают, можно-де стерилизовать Иру, но я как мать буду стоять до последнего. Нельзя лишать дочь счастья обрести семью и детей. Я очень надеюсь на вашу помощь. **Татьяна Леонова, Северная Осетия**

Друзья! Если вы можете помочь авторам этих писем, за адресами обращайтесь в Российский фонд помощи по тел.: (095) 943-91-35, 158-69-04. Адрес Российского фонда помощи: 125252 Москва, а/я 50, e-mail: rfp@kommersant.ru

